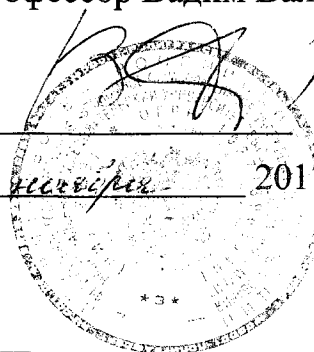

УТВЕРЖДАЮ

Первый проректор федерального
государственного автономного
образовательного учреждения высшего
образования «Национальный
исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
д.э.н., профессор Вадим Валерьевич Радаев

« 10 » ~~ноября~~ 2017 г.

ОТЗЫВ

ведущей организации на диссертацию Касавиной Надежды
Александровны

«Экзистенциальный опыт как проблема философии
и социально-гуманитарных наук»,

представленную на соискание учёной степени доктора философских наук
по специальности 09.00.08 – Философия науки и техники

В центре внимания Н.А. Касавиной – экзистенциальный опыт – категория, которая все еще не имеет удовлетворительной концептуализации. Проблема экзистенциального опыта имеет теоретическую и социально-практическую актуальность, что убедительно показано в работе.

В первой главе диссертации «Экзистенциальный опыт как предмет философской рефлексии» обосновано авторское понимание феномена экзистенциального опыта, его формирования, возможностей его философского изучения. Во второй главе «Экзистенциальный поворот в социально-гуманитарных науках» показано, что рассмотрение проблемы

экзистенциального опыта важно осуществлять на междисциплинарной основе, проясняя современные тенденции в социально-гуманитарных науках. В третьей главе «Вера в экзистенциальном опыте» автор анализирует проблему веры с раскрытием ее экзистенциального значения как важнейшего элемента и основания «встроенности человека в мир».

С точки зрения диссертантки, «экзистенциальный опыт» является собой «базовую универсалию культуры», которая в категориальной форме объединяет различные виды опыта, видя их как частные проявления экзистенциальной природы человека.

Это ответственное заявление. Если такое понимание экзистенциального опыта оправдало бы свою претензию на универсальность, это означало бы движение в сторону неклассической философской антропологии и неклассической философии культуры, поскольку позволяет отойти от абстрактных «субъект-объектных» схем и открывает перспективу выявления личностных ресурсов преодоления современной «антропологической катастрофы». Для решения этой задачи необходимо соединить экзистенциальное представление о человеке с научным анализом многообразия когнитивных и социальных практик. Задача, безусловно, исключительно важная и актуальная.

Но возможно ли такое соединение, вопреки представлению (особенно развитому в экзистенциализме) о сугубой отчужденности «внутренней» жизни человека от «внешнего», прежде всего, социокультурного ее окружения? Ответу на этот вопрос посвящено исследование диссертантки.

Ее уверенность в том, что такое соединение возможно, поддержана анализом попыток встречного движения – от экзистенциального философствования к практикам и теоретическим размышлениям в исторической науке, психологии, социальной философии, феноменологии, теории искусства, лингвистике, эпистемологии и т.д. Экзистенциальный опыт, по мнению диссертантки, является связующим звеном между этими областями антропологического знания. Однако

большая часть попыток «встроить» экзистенциальный опыт в междисциплинарную картину этого знания характеризуются тем, что он рассматривается почти исключительно как индивидуальный опыт, а не как социокультурное явление. Потому попытки антропологического синтеза все еще несут на себе отпечаток экзистенциалистского бунта против любых генерализаций человеческой уникальности из-за ее несоизмеримости с какими бы то ни было общезначимыми реконструкциями. Чтобы выполнить поставленную задачу, необходимо отказаться от «догм экзистенциализма». Или, иными словами, нужно освободить экзистенциальное мышление от униформы, которая была ему навязана экзистенциализмом.

В самом деле, почему экзистенциальный опыт как явление не мог бы стать предметом рациональной рефлексии – как научной, так и личностной? Почему он должен истолковываться исключительно как форма отчуждения человека от культуры и социума, с ее неизбывной трагической и пессимистической тональностью? Если отойти от догматических ответов на эти вопросы, открывается путь к прояснению важных причин культурного кризиса нашего времени.

Вводится понятие экзистенциального опыта, которое означает отказ от его иррационалистических интерпретаций, характерных для большинства экзистенциалистских концепций. Под экзистенциальным опытом понимается «личная история существования», осмысленная как синтез жизненных переживаний и концептуальных средств их структурирования и связывания. Иными словами, это и жизнь человека в уникальности его переживаний, и вся совокупность его же рефлексий над этой жизнью, попыток ее оценки и осмысления. Главная проблема, которая, как представляется, здесь неизбежно возникает, это проблема «перевода» таких попыток на язык, с помощью которого может осуществляться коммуникация между существующими индивидами в рамках социального общения. Если упомянутый синтез вообще возможен, то он должен иметь достаточное для успешной коммуникации выражение,

иначе он остался бы не раскрываемой тайной и не имел бы значения для междисциплинарного исследования.

Разумеется, философская категория экзистенциального опыта не могла бы даже возникнуть, если бы ее содержание не было подготовлено всем процессом расширения общих представлений об опыте – от сенсуалистических его трактовок до духовных измерений. Диссертантка прослеживает этот процесс, обращая внимание на то, как он формировался в экзистенциализме, герменевтике, феноменологии и прагматизме (этот перечень можно было бы продолжить, включая в него философию жизни, социальную философию марксизма, религиозную философию и т. д.), то есть во всех тех философских направлениях, для которых существенно исследование не только личностных, но и коллективных, шире – социальных, форм осмысленного существования человека. С тех пор, как понятие «жизненного мира» получило столь важную роль в философской антропологии, последняя рассматривает всякий человеческий опыт как экзистенциальный в том смысле, что внешние (по отношению к индивидуальной психической и умственной жизни) воздействия «социального мира» неповторимым образом преломляются в его внутреннем содержании. Это сказывается как на чувственности, так и на эмоциональной, интеллектуальной и духовной сторонах опыта.

Но если так, то неправы те, кто видит возможность экзистенциального опыта только в «пограничных» или «предельных» ситуациях, то есть в таких, когда упомянутые воздействия уже не имеют значимого влияния на внутренний мир человека и, так сказать, освобождают его от своего присутствия, предоставляя этот мир «самому себе» в собственной подлинности. Экзистенциальный опыт как универсальная категория человеческого бытия наличествует на протяжении всей длительности этого бытия, а не только в критические моменты последнего. Такое понимание экзистенциального опыта имеет два важнейших последствия.

Во-первых, оно лишает экзистенциальный подход к философии человека надрывности и акцентированного трагизма, свойственных тем видам экзистенциализма, что несут на себе груз противопоставления человека и социума, личной судьбы и истории, свободы воли и предрешенности итогов жизненного пути. Экзистенциальный опыт из источника пессимизма и чувства одиночества превращается в форму связи между людьми.

Во-вторых, оно предохраняет от конформизма и стандартизации человеческих отношений в условиях, когда формальная сторона этих отношений гипертрофируется и даже выступает как условие их сохранности и упорядоченности. Экзистенциальный опыт выступает как непрерывное доказательство ценности внутренней жизни, как то, что сообщает ей собственно человеческую значимость, свидетельствует об устойчивости этой жизни, сопротивляющейся репрессивным, ограничивающим свободу выбора социальным факторам.

Взятые совместно, эти последствия образуют антиномическое единство. Оно составляет канву гуманистической культуры, в которой экзистенциальный опыт оказывается определяющим.

Идея этого единства - руководящая во всем замысле диссертации. Она направляет философское исследование в сторону междисциплинарного изучения различных своих аспектов в научных дисциплинах: экзистенциальной социологии, экзистенциальной психологии, экзистенциальной лингвистики, педагогики, теории искусства, социальной эпистемологии и др. Круг этих дисциплин расширяется и, соответственно, растет число связей между ними и расширяется поле философско-методологического исследования. Это важно само по себе, но еще более важно то, что таким образом происходит переключение целеполагания: на место фиксации и описания культурного кризиса приходит стратегия его преодоления, поиска оптимизирующих форм участия в ней наук о человеке и философской антропологии.

Собственно, культурный кризис – это и есть наиболее резкий и универсализированный диссонанс между социокультурным опытом, доминирующим в данном сообществе людей, и личностно-индивидуальным экзистированием, когда первый является сугубым препятствием для второго. Кризис подавляет личность, лишает ее «подлинности», подчиняет культурным матрицам, но в то же время он обесмысливает действие этих матриц, поскольку они лишаются своего культурного статуса и превращаются в репрессивные механизмы.

Философы-экзистенциалисты, подчеркивает диссертантка, преувеличили безнадежность попыток преодоления культурного кризиса, предоставляя экзистенциальному опыту искать убежища в недостижимых и невыразимых глубинах внутреннего мира. Личностные переживания человека пронизаны культурой, можно сказать, они изначально культурны; более того, культура есть тот резервуар, из которого эти переживания черпают свое содержание, приобретают интенсивность и действительную значимость для человека. Диссертантка верно замечает, что «сводить экзистенциальный опыт к состояниям отрешенного сознания означает признать, что человек находится в ситуации непрерывного созерцания. Это неоправданно ограничивает исследуемый феномен. Кроме того, так понятый экзистенциальный опыт лишь воспроизводит известный дуализм чувства и разума, индивида и культуры, который как раз и препятствует достижению личностью целостности и гармоничности бытия» (с. 74).

Не созерцание, но активная интерпретация жизненных проблем, на которые человек смотрит сквозь призму своего экзистенциального опыта, «проблемно-целенаправленный поиск смысла существования», наполняющий собой всю длительность существования – такова функциональная предназначенность этой характеристики человеческого бытия.

Структура экзистенциального опыта включает амбивалентные переживания, вступающие между собой в сложные, часто

противоречивые связи: трагедийные и комические, темные (пессимистические) и светлые (оптимистические), надежду и отчаяние, любовь и ненависть. Внутренний мир человека далек от идиллии, но столь же далек и от нагромождения иррациональных призраков. И успех в нахождении ободряющих смыслов не гарантирован ничем, кроме непрерывной душевной работы. Собственно, движение и результаты этой работы и составляют поле исследования для специальных наук о человеке. Когда говорят о единстве этих наук в рамках комплексной программы, то имеют в виду именно рассмотрение всех результатов этих исследований как того, что составляет содержание экзистенциального опыта. Тем самым этот опыт становится объяснимым, утрачивает мнимую непостижимость, «натурализуется» (по выражению Д. Деннета). Поворот в сторону экзистенциальной проблематики («экзистенциальный сдвиг», по выражению диссертантки) для наук о человеке означает их гуманизацию, определяет новые перспективы их развития. Обращается особое внимание, как такой поворот осуществляется в экзистенциальной лингвистике, в исторической науке, в юридических дисциплинах, в философии музыки, в психологии, социологии и педагогике. Это сказывается на методологии этих дисциплин, которая обогащается за счет методов анализа человеческих переживаний, оценочной стороны человеческой деятельности, психологических установок, убеждений и эмоциональных факторов принятия решений. На этой почве вырастает новое понимание научной рациональности, связанное с исторической и социокультурной динамикой научно-познавательных процессов, в которых исследуется внутренний мир личности.

Характерным примером может служить трансформация методологии в психологии и психотерапии. Здесь задачей практикующих психологов и психотерапевтов стало понятийное оформление экзистенциального опыта пациентов. Для этого потребовалась философская реконструкция этого опыта в терминах «переживание», «смысл», «ценность» и других экзистенциальных характеристик. Отмечается, что такая врачебная

практика (работы Э. ван Дорцена, А. Лэнгле, Э. Спинелли) успешно конкурирует с традиционной, где превалирует «натуралистический» подход к феноменам сознания. Аналогичный процесс имеет место в социологии, где развиваются методы качественного исследования субъективных переживаний и действий в социальной среде. Несомненное практическое значение имеет проведенное под руководством диссертантки исследование «Смысло-жизненные переживания и ориентиры человека в современном российском обществе» по гранту Президента РФ молодым ученым «Экзистенциальный опыт в контексте кризисных ситуаций (возможности междисциплинарного синтеза)», 2011–2013. На основе полученных данных сделаны выводы о значимости экзистенциального опыта респондентов, сложившегося в кризисных ситуациях, для определения направлений социального развития России на современном этапе.

Хотя экзистенциальный подход к гуманитарным проблемам уже продемонстрировал свою правомочность и необходимость, он все еще не получил широкого распространения. Можно сказать, что его продвижение в сферу социального и гуманитарного знания все еще сталкивается с практическими и теоретическими трудностями. Это обостряет актуальность его разработки в альянсе с наиболее продвинутыми в этом отношении специальными науками.

Диссертантка отмечает перекрещивание тенденций: с одной стороны, гуманитарная проблематика во все большей мере перекочевывает в содержание специальных дисциплин, с другой, в тех же дисциплинах растет удельный вес содержания, ориентированного на общенаучные методологические критерии. В точках встречи этих тенденций возникает «натурализация экзистенции», т.е. возможность выражения экзистенциальных проблем и их решений на языках специальных наук. Однако, препятствием на этом пути является слабое развитие диалогической методологии, позволяющей сравнивать количественные и качественные, нормативные и дескриптивные, манипулятивные и

интерактивные, объяснительные и понимающие методы и модели и обеспечивать коммуникацию между исследователями, использующими эти модели.

Отметим смелую попытку автора выразить основания экзистенциального опыта через обращение к феномену веры. Смелую – потому что это «встречно направленный» ход мысли. Здесь экзистенциальный опыт принимается как данность, фундированная не на рациональных рефлексиях, а как способ обретения устойчивости существования в убеждениях и ценностях. Однако, противоречие, которое как будто неизбежно возникает на перекрестке этих мысленных движений, оказывается мнимым. Оно устраняется пониманием веры, которое принято автором: «Вера рассматривается как опыт встроенности человека в мир, соединяющий в себе дорефлексивные формы отношения к реальности и результаты сознательного решения задач, связанных со смыслом жизни, личностной укорененностью в сфере надындивидуальных ценностей» (с. 242). Такое понимание не противопоставляет веру и научную рефлексию, а служит максимально полному «встраиванию» человека в мироздание, когда экзистенциальный опыт обретает роль «цементирующего» начала.

В экзистенциальном смысле вера это – переключение «регистра сознания» в область универсальных, предельных ценностей, с которыми соотносятся как глубинные переживания индивида, так и социальные связи и смыслы. Философы-экзистенциалисты подчеркивали трагичность этого соотнесения: недостижимость идеалов и «опровержение» их эмпирической действительностью трактовались как причина отчаяния (Кьеркегор, Паскаль), от которого парадоксальным образом прокладывался спасительный путь личности к религии. Но, с точки зрения диссертантки, вера выступает как ориентирование на идеалы, их интериоризация, трансформирующая универсалии религиозной культуры в смысложизненные установки человеческого поведения. В этом смысле

вера является одним из важнейших факторов социальной и культурной «обустроенности» внутреннего мира человека.

Для «традиционной веры» (так диссертантка называет «укоренившийся в культурной среде способ связи человека со сферой сакрального и социального порядка») характерно безусловное принятие неких истин, не сопровождающееся критической рефлексией, но оставляющее место для размышлений о предмете веры, о ее содержании, а также для осмысления своей способности верить. «Разумная вера» - это «элемент рефлексивного сознания, «который сосуществует и взаимодействует с критикой, сомнением, доказательством, опровержением и другими его составляющими. Она есть результат индивидуального сознательного поиска в разрешении экзистенциальных и моральных проблем: смысла жизни, ответственности, свободы» (с. 285). Из этих определений следует, что оба типа веры сочетаются с рациональным мышлением, роль которого повышается в «разумной вере», но присутствует также и в «традиционной вере». Обе эти категории диалектически взаимосвязаны и представляют элементы сознания, рассматриваемые в контексте процесса формирования личности.

В этом статусе указанные типы противостоят типам веры, которые отрицают рациональность (фанатическая или невротическая вера, слепой культ, вера, агрессивно отвергающая отличные от себя верования и пр.). Экзистенциальный опыт, искаженный иррациональной верой, извращающий критическую суть мышления, сам оказывается болезненным извращением.

В этой связи правомерен следующий вопрос. Если говорить о «позитивных» и «негативных» формах веры, отдавая предпочтение «позитивным» как открывающим культурные возможности самопроектирования и саморазвития личности, то каковы культурные и социальные факторы, способные изменить соотношение этих форм в экзистенциальном опыте человека? Иными словами, возможна ли

сознательная (и рациональная) ориентация экзистенциального опыта в сторону позитивных форм веры?

Диссертантка говорит о необходимости «содействия становлению рационально-ориентированного ныне объединяющих идей и веры в будущее человечества» (с. 319). То, что это необходимо, трудно оспорить, учитывая реалии современности, в которых различные кризисы – от экологического до культурного – занимают слишком большое место. Но с какой стороны следует ожидать этого содействия? Из какого источника станут вливаться в экзистенциальный опыт человека «объединяющие идеи и вера в будущее человечества»? Если полагать таким источником науку и реализацию технического потенциала, то результаты научно-технического «прогресса» слишком амбивалентны. Они допускают и пессимистическую интерпретацию, которая и является одной из составляющих культурного кризиса.

С одной стороны, «секулярное сознание», как отмечает диссертантка, «предполагает формирование принципов веры как социального доверия, укрепление автономности человека на основе развития его личностных возможностей во всеобщем пространстве ценностей» (с. 319). Но если так, то в условиях падения социального доверия (что характерно для кризисных периодов) само пространство ценностей отнюдь не является всеобщим, а напротив, слишком расколотым. Что касается автономности развитой личности, то она оказывается под большим вопросом, поскольку ее сопротивляемость внешним давлениям резко понижается именно потому, что не находит для себя устойчивой опоры в этом пространстве. Можно ли считать, что экзистенциальный опыт человека, «накопленный» в таких условиях, содержит в себе достаточный потенциал устойчивости и противостояния кризисам? Представляется, что такое «доверие» к нему было бы избыточно оптимистичным.

С другой стороны, «религиозное сознание», возможно, более устойчиво по отношению к кризисам, но можно ли говорить о какой-то целостности экзистенциального опыта, в котором опора на религиозную

веру сосуществует с ориентацией на рациональную критику и выбор независимого личностного отношения к явлениям «жизненного мира»?

Так или иначе, но значение экзистенциального опыта нельзя переоценить. Экзистенциальная проблематика наполняет новым необходимым содержанием современную философию и науки о человеке, которые придают ей рационализируемую понятийную форму. В этом – ответ на вызов современности, когда человеческое общество перешло в стадию быстрых фундаментальных изменений, что несравненно повышает роль экзистенциальных характеристик человека, участвующих в непрерывной вовлеченности человека в такие изменения.

Акцентированное привлечение внимания к этому процессу – одна из важных задач философии. Диссертантка эту задачу решает, соединяя историко-философский и историко-культурный подход с глубоким проблемно-ориентированным анализом содержания экзистенциального опыта. Ей удалось построить целостную концепцию экзистенциального опыта, главная идея которой состоит в единении философского и специально-научного знания о человеке в рамках междисциплинарного исследования этой глубоко интимной, но столь важной для понимания человека, стороны его социально-культурного бытия.

Говоря о претензиях, которые можно было бы предъявить диссертации, отметим следующее. Диссертантка, выстраивая панораму взглядов на экзистенциальный опыт, иногда переходит к реферативному их изложению, отходя от жанра диссертационного исследования. Отметим также, что при этом ее собственные взгляды излагаются слишком «скромно», оставаясь в тени подробно освещаемых взглядов других авторов.

На наш взгляд, раздел о роли веры в экзистенциальном опыте уступает другим разделам в доказательности, оставляя впечатление некой неопределенности. Здесь больше иллюстраций, чем логического строя аргументов.

Осталась без должного внимания связь исследований экзистенциального опыта с идеями социальной эпистемологии. Между тем, такая связь очень важна, поскольку центральной идеей этой дисциплины является социально и культурно обусловленная контекстуальность познавательных процессов, а экзистенциальный опыт – неперенный участник таковых контекстов.

Эти претензии носят полемический характер, а их упоминание⁶ не снижает общей высокой оценки диссертации. Переходя к ней, скажем, что на защиту представлена исследовательская работа, в которой развернута программа философской и научной рационализации экзистенциального опыта, которая при реализации обещает новый значительный шаг к научной антропологии. Это крупный результат, значительно продвигающий философскую рефлексию мировоззренческих, методологических и онтологических оснований знания о внутреннем мире человека.

Тезисы, вынесенные на защиту, вполне репрезентируют этот результат, а их аргументация оригинальна.

Диссертация Надежды Александровны Касавиной имеет очевидную научно-практическую ценность. Ее содержание и выводы имеют значение для формирования основных направлений социальной и культурной политики государства (особенно в кризисных ситуациях). Они также могут и должны быть использованы в курсах современной философской антропологии в соответствии с программами бакалавриата, магистратуры и аспирантуры философских факультетов. Основные результаты диссертационного исследования опубликованы в научных изданиях, в том числе в рекомендованных ВАК Министерства науки и образования РФ. Автореферат диссертации соответствует ее содержанию.

Диссертационное исследование Надежды Александровны Касавиной полностью отвечает требованиям пунктов 9-11, 13, 14 Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г., № 842.

Диссертация Н.А. Красавиной соответствует специальности 09.00.08 – Философия науки и техники, а ее автор заслуживает присуждения искомой ученой степени доктора философских наук.

Отзыв подготовлен доктором философских наук, профессором школы философии факультета гуманитарных наук федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» Порусом Владимиром Натановичем.

Отзыв рассмотрен и одобрен на заседании школы философии факультета гуманитарных наук федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», протокол № 6 от 09 ноября 2017 года.

Сведения о ведущей организации: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) Адрес: 101000 г. Москва, ул. Мясницкая, 20.

Тел.: (495)771-32-32 Электронная почта: hse@hse.ru Сайт: <http://www.hse.ru>

Руководитель Школы философии
факультета гуманитарных наук
доктор философских наук,
профессор

Порус Владимир Натанович

Подпись заверяю
создательной и магистр 110
публичное с с